Университет «Высшая антропологическая школа»
Журнал «Stratum plus»
Институт устной истории Молдовы

М. Б. СЛУЦКИЙ

В СКОРБНЫЕ ДНИ

КИШИНЁВСКИЙ ПОГРОМ 1903 ГОДА

2-е издание, стереотипное

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 94
ББК 63.3(2)
С493

Рецензенты:
кандидат исторических наук *В. В. Ведерников*
доктор исторических наук *И. В. Лукоянов*

Слуцкий М. Б.
С493 В скорбные дни : Кишинёвский погром 1903 года / публ., предисл., коммент., указ. Л. А. Мосионжника — 2-е изд. стереотип. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 328 с.

ISBN 978-5-4469-1551-4

В мировой историографии справедливо утвердилось мнение, что Кишинёвский погром 1903 года стал «предвестником Холокоста». Доктор Моисей Борисович Слуцкий (1851–1934), «рядовой интеллигент», как он сам себя характеризует, автор единственных известных воспоминаний очевидца о Кишинёвском погроме. Особую значимость его воспоминаниям придаёт тот факт, что Слуцкий был главным врачом кишинёвской Еврейской больницы, куда в ходе погрома свозили раненых и убитых. Мемуары важны не только как точный перечень фактов насилия, в них содержатся и важные антропологические обобщения: автор показывает, как легко при определённых условиях происходит расчеловечивание, и люди начинают грабить, насиловать и убивать своих некогда добрых знакомых и соседей. Книга была издана в Кишинёве в 1930 году, никогда не переиздавалась и была известна только узкому кругу специалистов. Настоящее научное издание подготовлено профессиональными историками из Молдавии и России и адресовано широкой аудитории.

ISBN 978-5-4469-1551-4
9 785446 915514

© Л. А. Мосионжник, публ., предисл., коммент., указ., 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

Оглавление

Предисловие редактора (Л. А. Мосионжник) 6

Доктор М. Б. Слуцкий
ЗА ТРИ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА
Мои воспоминания из детства, юности
и полувековой врачебной и общественной деятельности

Предисловие. 39
Глава 1. Моё раннее детство 41
Глава 2. Крымская война и смерть Николая I. 42
Глава 3. Хедер. 44
Глава 4. Причины враждебного отношения евреев к Николаю. Рекрутчина. 45
Глава 5. Еврейские казённые училища и отношение к ним различных слоёв еврейского населения 48
Глава 6. Ограничение евреев в праве жительства 51
Глава 7. Бердичевское казённое еврейское училище и события до 1862 года. 52
Глава 8. Кишинёвская гимназия и её директор К. П. Яновский 54
Глава 9. Отъезд из Кишинёва и вступление в университет 59
Глава 10. Харьковский университет. 62
Глава 11. Начало моей практики. Нравы кишинёвских врачей. Моя служба в Бендерском земстве 73
Глава 12. Краткая история Кишинёвской еврейской больницы до 1877 года 78
Глава 13. Краткая история больницы с 1877 до 1879 года 81
Глава 14. Состояние еврейской больницы при моём поступлении на службу 84

Глава 15. Отношение Общества и Совета больницы к её плачевному состоянию 88
Глава 16. Моё назначение старшим врачом больницы. 89
Глава 17. Состояние больницы при моём занятии должности старшего врача 90
Глава 18. Ходатайства об ассигновании денег на постройку нового здания больницы. 93
Глава 19. Министр Горемыкин и директор медицинского департамента Рагозин. Удовлетворение ходатайства больницы 98
Глава 20. Учреждение при больнице интерната. Паника по поводу появления отдельных случаев холеры 100
Глава 21. Крупные пожертвования. Мысль постройки больницы на новом месте. 102
Глава 22. Постройка новых больничных зданий 104
Глава 23. Больничный устав 106
Глава 24. Итоги деятельности и финансового положения больницы за период времени с 1889 по 1900 год 108
Глава 25. Эволюция в медицине 112
Глава 26. Великая революция в науке естествознания 118
Глава 27. Теоретические и практические результаты открытия радиоактивных веществ 122
Глава 28. Моё религиозное мировоззрение 127
Глава 29. Моё научное мировоззрение 133
Глава 30. Важнейшие явления и события в жизни русских евреев и в общегосударственной жизни за последнюю четверть XIX века. Сионизм 137
Глава 31. Религиозное движение, созданное Иосифом Рабиновичем 142
Глава 32. Кровавый навет. Кутаисское дело 145
Глава 33. Дело Дрейфуса 150
Глава 34. Революционные движения в России. Русско-турецкая война 1877–1878 годов. 152
Глава 35. Дальнейшее революционное движение в России. Смерть Александра II 159
Глава 36. Александр III. Николай II 160
Глава 37. Положение евреев во второй половине XIX столетия 163
Глава 38. Отношение чиновничества и русского общества к преследованиям евреев 168
Глава 39. Причины враждебного отношения русского правительства к евреям. 174

М. Б. Слуцкий
В СКОРБНЫЕ ДНИ
Кишинёвский погром 1903 года

Предисловие. 179
Глава 1. Настроение в Кишинёве до погрома 181
Глава 2. Погром 183
Глава 3. Еврейская больница в дни погрома 186
Глава 4. Жертвы погрома 190
Глава 5. Общая картина погрома. 192
Глава 6. Поведение местных властей и общества во время погрома 198
Глава 7. После погрома 201
Глава 8. Виновники погрома. 205
Глава 9. Главные организаторы погрома. 213
Глава 10. Отношение царя Николая II к евреям и влияние, которое оказывало отношение царя к евреям на возникновение погромов . . . 218
Глава 11. Отношения между христианским и еврейским населением после погрома. Отношение прессы к погрому 220
Глава 12. Губернатор князь С. Д. Урусов 224
Глава 13. Отъезд из Кишинёва князя Урусова и дальнейшая судьба его 231
Глава 14. Суд над погромщиками 234

Приложения

Приложение I. Комитет по оказанию помощи еврейскому населению г. Кишинёва, пострадавшему от беспорядков в апреле месяце 1903 года 240
Приложение II. Денежный отчет Комитета по оказанию помощи пострадавшему от беспорядков еврейскому населению г. Кишинёва в 1903 году. 242
Приложение III. Карл Александрович Шмидт и Николай Антонович Дорошевский 245
Приложение IV. Перечень убитых во время погрома 252

Комментарии. 254
Литература. 278
Указатель имён. 282
Указатель географических названий. 322
Указатель улиц Кишинёва, упоминаемых в тексте 325

Предисловие редактора

Кишинёвский погром 6–7 апреля 1903 г. стал кровавой зарёй XX в. для всей Европы. Впервые старый мир увидел, что может его ждать. Не только история Бессарабии и России, но и первые шаги тоталитарного национализма, и истоки катастрофы европейских евреев, и кризис гуманизма в духе XIX в. — вот какие (и многие другие) темы пересекаются в этом событии. Шок был тем сильнее, что до этого Бессарабия считалась оазисом тишины и спокойствия. Многим казалось: если где и может случиться что-либо подобное, то только не здесь. Не в Кишинёве, который именно тогда — усилиями легендарного городского головы Карла Шмидта и собранной им команды — уже превратился чуть ли не в образцовый для Юго-Восточной Европы город. Впервые Европа смутно ощутила то, о чём позже, в 1936 г., сказал с трибуны Лиги наций Хайле Селассие I, император Эфиопии — страны, ставшей тогда очередной жертвой фашизма: «То, что происходит у нас сегодня, произойдёт у вас завтра».

Не удивительно, что событиям 1903 г. Даже беглый её обзор увёл бы нас далеко от темы. Только в Кишинёве за последние годы были выпущены три сборника документов и материалов конференций (Кишинёвский погром... 1993; 2000; 2004), мемориальная хроника (Шойхет 2004), русский перевод классической монографии Э. Джаджа (Edward H. Judge) “Easter in Kishinev: Anatomy of a Pogrom” (Джадж 1998). Но свидетелем № 1 по делу о Кишинёвском погроме до сих пор остаётся М. Б. Слуцкий, на плечи которого в те дни легла миссия помощи жертвам.

* * *

Доктор Моисей Борисович Слуцкий (1851–1934) — коренной кишинёвец, что для XIX в. означало — кишинёвец в первом поколении. Приехал он в Кишинёв из Киевской губернии уже гимназистом и связал с этим городом свою судьбу на всю жизнь. Почти полвека он отдал Еврейской больнице — самой старой и самой большой в тогдашнем городе. Не будем подробно пересказывать его биографию: она восстанавливается в основном как раз по тем воспоминаниям, которые читатель держит сейчас в руках. Выделим лишь ключевые моменты и прокомментируем их.

Моисей Борисович Слуцкий родился 1 января 1851 г. в местечке Васильково (ныне город Васильков) Киевской губернии. Рано потеряв отца, он воспитывался у деда-коммерсанта в Бердичеве, родственника знаменитых в то время раввинов. Дед, Леон Эфрусси, занимался коммерцией ни шатко ни валко, предпочитая ей диспуты на духовные темы. Это было очень характерно для тогдашних евреев, у которых, с тех пор как римляне разрушили в 70 г. н. э. Иерусалим и его храм, духовенство осталось единственной аристократией, а его образ жизни и мысли — единственным авторитетом. Но не менее было это характерно для всей Юго-Восточной Европы. Стефан Цвейг, выходец из гораздо более благополучной среды — евреев Австро-Венгрии, уже пользовавшихся равноправием, — в своих предсмертных воспоминаниях писал:

> «Каждая состоятельная семья, хотя бы из соображений престижа, настойчиво стремилась к тому, чтобы дать сыновьям “образование”: их заставляли учить французский и английский, знакомили с музыкой, для них приглашали сначала гувернанток, а затем домашних учителей. Но лишь так называемое “классическое” образование, открывавшее дорогу в университет, принималось всерьёз в те времена “просвещённого” либерализма: репутация каждой “приличной” семьи требовала, чтобы хоть один из сыновей именовался доктором каких-нибудь наук» (Цвейг 1991: 62).

И дальше Цвейг описывает систему этого образования: всё время отдано гуманитарным наукам и искусствам, на физическое развитие его уже не остаётся, не говоря уже о развлечениях. Именно

такое воспитание имелось в виду ещё полвека назад, когда ребёнка называли «*а идиш кинд*» — «еврейское дитя». Что же касается престижа учёной степени, то и сегодня еврейские кладбища в Молдове полны надгробий с надписью: «Доктор такой-то».

В России, где евреи всё ещё были скованы средневековыми ограничениями, дело было сложнее: единственным образованием, не требовавшим компромиссов с властями, было религиозное. С горькой иронией описал плоды такого образования Шолом-Алейхем в рассказе «Родительские радости»:

> «Один зять у меня родом из настоящей знати, чудо, золотой человек, а способности какие — все достоинства! К тому же большой знаток талмуда — всегда сидит за священной книгой. Я содержу его с самой свадьбы, потому что, если бы вы его знали, сами сказали бы, что такого грех выпустить из дому — что с ним станется?»

Так или иначе, юного Моисея отдали в хедер — религиозное училище. Но у мальчика явно не было склонности к схоластике, да и учитель попался злобный. Когда выяснилось, что он бьёт ученика, дед забрал его из хедера и отдал в казённое еврейское училище. Скандал был велик: в условиях «черты оседлости», где людей чётко делили по религиозному принципу, обучение в школе под контролем властей было первым шагом к ассимиляции — а это в условиях гетто считалось практически изменой. В. Жаботинский не раз упоминал тогдашнюю поговорку: «дед ассимилятор, отец крещён, сын антисемит». Но в 1862 г. Л. Эфрусси умер, и мать вместе с сыном уехала в Бельцы, к замужней дочери.

В Бессарабии обстановка была другая. Эта область (с 1873 г. — губерния) тоже входила в «черту оседлости», а значит, евреи жили здесь легально. Но в Причерноморье, вошедшем в состав России лишь между 1774 и 1812 гг., перед властями стояла задача: быстро создать многочисленное и лояльное к империи население. Иначе этот край легко мог быть потерян. И российские власти использовали рецепт, уже применённый в Австрии Марией Терезией: привлечь любых переселенцев, обладающих какими-либо навыками и (или) капиталами, гарантировав им гражданские права и веротерпимость. Сверх того, Бессарабии отводилась ещё и особая роль:

её пример должен был показывать народам Балкан, насколько российское правление лучше османского. Поэтому власти предоставляли Бессарабии особые льготы, а евреям здесь жилось лучше, чем в бывших польских губерниях, включая Киевскую.

В 1897 г. по первой и последней в Российской империи всеобщей переписи населения евреи Бессарабии составляли 228,5 тысяч человек — то есть 11,8 % жителей губернии (Тройницкий 1905: 68). В городах (без местечек) их доля была ещё больше: 109,7 тысяч, или 37,4 %. В Кишинёве евреев было свыше 46 % жителей, а в Оргееве, Бельцах, местечке Тузора (ныне город Калараш) — около двух третей. В крае, где местное молдавское население оставалось в основном земледельческим, а русское — представлено в основном чиновниками, верхушкой купечества и крестьянами-переселенцами[1], именно евреи составляли основную долю городской мелкой буржуазии (мещанства, как официально назывался этот слой в тогдашней России). Поэтому из них выходила и большая часть лиц умственного труда: врачей, адвокатов, журналистов, нередко и технических специалистов. Именно эти люди в основном и определяли облик старого Кишинёва именно как города — города со своим особым лицом, а не просто «большой деревни» с администрацией и гарнизоном. С их уходом ушёл и старый Кишинёв.

Схожую картину описывает и Стефан Цвейг, вспоминая об утраченной им имперской Вене. Вообще в тогдашней Бессарабии сложилась социальная структура, более характерная для австрийской, чем для русской провинции. Достаточно напомнить, что

> «значительная часть деятелей XVII и XVIII вв., принявших участие в формировании и развитии австрийской нации и ставших известными как австрийские патриоты, не были австрийцами по происхождению» (Пристер 1952: 170).

Но и в Бессарабии 1812–1917 гг., пожалуй, три четверти её выдающихся деятелей — в политике, экономике, культуре — были бессарабцами в первом, максимум во втором поколении. Их родной дом был далеко, но именно в Кишинёве они начинали чувствовать себя дома. То, что такая структура общества чревата национальными конфликтами, выяснилось позже.

Такова была среда, в которую попал молодой Слуцкий. Он поступил в 1-ю Кишинёвскую гимназию, в то время единственную в крае и одну из лучших во всей тогдашней Южной России. Руководил ею в те годы Кирилл Петрович Яновский — педагог-новатор, как сказали бы о нём в советское время. Его высоко ценил и поддерживал попечитель Одесского учебного округа, в который входила Бессарабия, — великий русский хирург Н. И. Пирогов. Об авторитете гимназии говорит, например, такой факт: С. Ю. Витте, впоследствии граф и первый премьер-министр России, вспоминал, как он перебрался в Кишинёв из одесской Ришельевской гимназии, чтобы получить настоящие знания, а не просто «корочки» (Витте 1923: 55). Атмосфера дружбы между учителями и учениками, созданная ещё при директоре И. А. Нелидове в 1840-х гг., была по тем временам уникальной (Тарнакин, Матей 2014: 76). Что же касается заслуг самого Яновского, то в 1871 г. он был отозван из Кишинёва на пост товарища попечителя столичного учебного округа, позже был попечителем на Кавказе. А в 1901 г., после убийства Боголепова, Яновскому предлагали даже портфель министра просвещения, но старик не взялся управлять министерством на фоне разгоравшихся студенческих волнений.

С 1864 г. в гимназию стали принимать и детей евреев (Тарнакин, Матей 2014: 89), причём антисемитизма не только не было, но ученики-евреи «составляли в гимназии как бы привилегированную группу» (как замечает сам Слуцкий в восьмой главе воспоминаний). В этот-то период и повезло учиться в 1-й гимназии Моисею Борисовичу. После выпуска (1869) он окончил в 1875 г. медицинский факультет Харьковского университета, а через два года поступил сверхштатным младшим врачом в Кишинёвскую еврейскую больницу. С нею-то и были связаны все 57 лет его дальнейшей жизни.

Никто не знает, когда именно была основана эта больница — самая старая во всей Бессарабии. Большинство исследователей всё же считают, что основал её между 1810 и 1820 г. знаменитый раввин Хаим Тирер из Черновиц. Это тот самый Тирер, который построил и кишинёвскую Большую синагогу на Азиатской (ныне Римской улице, не сохранилась). Средства для больницы дал

кишинёвский почётный гражданин Илья Выводцов, много лет возглавлявший и больничный комитет. Напомним, что «почётный гражданин» в России со времён Екатерины II — это купец, за деньги получивший все дворянские права, кроме лишь титула дворянина.

Первые полвека положение в больнице было тяжёлым. Лишь в 1846 г. она получила официальный статус, а с ним — и право на финансовую поддержку от казны. Но в основном больница существовала на средства, взимаемые с представителей еврейской общины, — так называемые «коробочные сборы». Хотя здесь лечились самые малоимущие кишинёвцы без разбора национальности. При этом не хватало ни помещений, ни персонала. Поэтому амбулаторных больных принимали в приюте при больнице, а срочные операции проводились прямо в палате. На одну койку приходилось укладывать двоих больных.

Сразу же приходит на ум советский рецепт решения всех проблем: вот была бы эта больница государственной — не была бы она в таком ужасном состоянии! Так вот, государственной больницы в Кишинёве тогда не было. Была городская (муниципальная) больница, с 1870 г. ставшая земской. А во время Крымской войны здесь разместился военный госпиталь. И лечиться в нём было страшно.

Чего стоит лишь один случай: только за сентябрь 1854 г., во время Крымской войны, в кишинёвском военном госпитале умер 431 солдат. Месяц спустя в битве при Балаклаве потери русских войск были меньше. А ведь на Дунае последнее сражение было 25 июня (при Джурджу), после чего русские войска были вообще отведены с фронта!

Командующий Дунайской армией М. Д. Горчаков, случайно оказавшийся в Кишинёве в это время, назначил расследование. 4 октября 1854 г. генерал С. А. Хрулёв представил рапорт.

> «Оказалось, что пища и скудная, и неудобоваримая; борща больные не едят, ибо от него происходят всегда рези в животе и тяжкие боли. На мясо отпускается столько денег, что мог бы быть куплен самый лучший сорт, а покупают самый худший и т. п. Мрут не только больные,

> но и служители госпиталя: за короткое время умерло из них *двадцать пять человек*, потому что при тяжелой своей службе они голодают: на них отпускается 3½ фунта мяса в месяц (...) Больные помещались “в подвальном этаже, где очень сыро и в окнах нет ни форточек, ни вентиляторов”. А в тех редких случаях, когда вентиляторы имеются, они никуда не годятся, потому что не очищают воздуха (показание д-ра Быкова генералу Хрулёву). Белье грязное, лекарства либо не выдаются там, где они нужны (например, хинин), либо выдаются, но там, где они не нужны и даже вредны» (Тарле 1941: 50; выделено в оригинале).

Сам генерал С. А. Хрулёв, проводивший это следствие, будущий герой Севастопольской обороны, — через год он будет тяжело ранен при попытке отбить у французов Малахов курган, — даже не был удивлён результатами: то же творилось везде. И это даже в армии, о которой царизм всегда заботился особо! Немудрено, что солдаты, не боявшиеся вражеских пуль и штыков, боялись таких госпиталей.

Что же до гражданских больниц, то и до них доходили гроши. Кроме того, отечественных врачей было очень мало — и дело было вовсе не в «немецком засилье», а в неразумной системе образования. Пётр I начал строить эту систему «с крыши» — прямо с Академии наук и нескольких столичных школ. Лишь при Екатерине II появилось хотя бы по одной школе в каждом уезде. Иными словами, такая система не готовила школьников к получению высшего образования, и нужных специалистов (в том числе врачей) приходилось приглашать из-за рубежа. Многие из этих специалистов — немцев и швейцарцев, — включая Л. Эйлера, пытались сделать всё, что было в их силах, чтобы Россия смогла избавиться от системы «импорта мозгов», но их возможности были невелики. Лишь в 1803 г. стараниями непременного секретаря Академии наук Николауса Фусса была создана стройная система образования (Мументалер 2009: 147–151), лишь тогда появились русские врачи вроде знаменитого М. Я. Мудрова. Но и за полвека эта система принесла мало плодов. Слишком уж настойчиво повторял Николай I: «Мне нужны не умники, а верноподданные» (Тарле 1941: 66), слишком успешны были попытки «фельдфебеля в Вольтеры дать». Казалось ли Грибоедову, что это преувеличенно, а потому и смешно? Но тот же Николай I сделал малограмотного генерала Назимова попечителем

Московского учебного округа, а квартального надзирателя — профессором философии в Харьковском университете (Тарле 1941: 157). Поэтому Гоголь даже ничего не утрировал, когда в его «Ревизоре» Артемий Филиппович говорит:

> «...чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает».

Лишь в 1860-х гг. это положение начало меняться. Появилась земская медицина, в которую двинулись энтузиасты. Все мы помним тургеневского Базарова и земских врачей у Чехова. А для евреев «черты оседлости» карьера врача была одним из немногих доступных способов вырваться из порядков, мало чем отличавшихся от гетто. Их программой была идеология Хаскалы (еврейского варианта Просвещения), сложившаяся в Германии и Австрии ещё в XVIII в.: гражданское равноправие и лояльность к стране проживания, но без отказа от собственного этнического лица. Частью этого лица была для них и религия, поэтому деятели Хаскалы относились к иудаизму так же, как умеренные просветители — к христианству: без ханжества, но и без иконоборческого фанатизма.

Одним из этих земских энтузиастов и был Моисей Борисович Слуцкий. В 1877 г. он пришёл в Кишинёвскую еврейскую больницу младшим врачом. В 1889 г. он был избран старшим врачом, а в 1899 г. — главным врачом. С этого момента он возглавлял больницу до самой смерти (1934).

Под его руководством больница пережила свой золотой век. Стараниями доктора Слуцкого она приобрела нынешний вид. В 1892 г. архитектор Цалиль Гингер построил главный корпус. В 1897–1898 гг. было открыто три новых корпуса — приюты для престарелых и инфекционное отделение, — и Еврейская больница стала крупнейшей в городе. Была открыта школа для подготовки медицинских сестёр. В 1889–1890 гг. было построено здание для администрации, аптеки и лабораторий, а в 1887–1901 гг. — хирургический корпус. Последнее здание — клуб — было закончено в 1906 г. В итоге на площади в полтора гектара разместился целый десяток

корпусов. Здания строили разные архитекторы, поэтому каждое из них своеобразно. Но в основном преобладает стиль эклектики с элементами неоклассицизма и модерна, господствовавший в тогдашнем Кишинёве (Centrul istoric... 2010: 207–208). Уже в 1920 г. Моисей Борисович выделил одно из помещений больницы под приют для девочек-сирот, созданный дамским комитетом во главе с Е. А. Бабич (Копанский 2010: 148).

Авторитет Моисея Борисовича в Кишинёве был огромен. Не раз он избирался гласным (депутатом) городской думы. К тому же старая Бессарабия была почти исключительно аграрным краем, поэтому очень уж больших денег здесь не было ни у казны, ни у общественных организаций. И до, и после 1918 г. больница нередко оказывалась на грани банкротства, и доктору Слуцкому не раз приходилось просить о спонсорской помощи. И ни разу он не встретил отказа — до того его уважали, так доверяли его честному слову.

Между тем наступил XX в. с его грозными проблемами. В Бессарабии тоже начались перемены. До этого губерния могла показаться патриархальным Эдемом:

> «Раабен как нельзя более подходил к общему характеру края, в котором среди богатой природы царствовала лень и беззаботность. Малоразвитое, необразованное, зажиточное и спокойное земледельческое население, легкомысленные, жизнерадостные, любящие пожить помещики; снисходительное к своим и чужим слабостям, склонное к внешнему блеску и тяготевшее к представителям власти общество; мало труда и характера, много добродушного хлебосольства и некоторая распущенность нравов — такова в общих чертах Бессарабия, и надо сознаться, что она составляла для своего губернатора вполне подходящую рамку» (Урусов 2004: 34).

Теперь же Бессарабия становится «одним из виднейших центров реакции и обскурантизма» во всероссийском масштабе (Берг 1918: 224). Ещё в Первую Думу губерния избрала умеренных земцев (несколько правее кадетов), но с 1907 г. бессарабские думские депутаты были в основном правыми и крайне правыми. Самой сильной партией в это время был Союз русского народа

во главе с аккерманским помещиком В. М. Пуришкевичем, имя которого во всей России было нарицательным. Ещё через полвека после его смерти мне доводилось слышать от матери: «Пуришкевичу бы такую болячку!» Однако в правлении губернского отделения этого Союза молдавских фамилий было почти столько же, сколько и русских (Топиро 1913: 196). Виднейший либерал, барон А. Ф. Стуарт в 1906 г. в прошении об отставке с поста председателя губернской земской управы писал:

> «В Бессарабии обозначилось узкосословное, хотя и консервативное течение… Почти во всех уездах земцы старого закала, прогрессисты самого умеренного свойства устранены» (Коварская: 62–63).

Угроза революции в России и распада державы, активность Румынии, испорченные отношения с Австро-Венгрией — главным зарубежным рынком для бессарабского сельского хозяйства — всё это заставляло местных помещиков всеми силами поддерживать шатающееся здание российской монархии.

В таких-то условиях пришлось работать М. Б. Слуцкому во второй половине жизни. И он выдержал все испытания, остался тем, кем был: патриотом своего края, не изменившим ни своей национальности, ни убеждениям. В дни погрома 1903 г. он оказался на самом ответственном (как выяснилось уже позже) посту: под его началом Еврейская больница стала центром помощи жертвам, без различия нации. Об этом много говорить не будем: лучше прочтите саму книгу. В 1919–1920 гг. история повторилась: родильное отделение больницы приняло под свой кров жертв петлюровских погромов в Украине.

На посту Моисей Борисович остался до конца своих дней. Он был членом многих общественных комитетов и попечительских обществ. В 1913 г. он был не только главным врачом и председателем правления Еврейской больницы, но и вице-президентом Бессарабского Медицинского общества (Топиро 1913: 195, 226, 227). В России его заслуги были отмечены чином статского советника, орденами Красного Креста, св. Станислава, св. Анны, св. Владимира; в Румынии — орденами Румынской короны, Meritul Sanitar (За заслуги в области здравоохранения) и другими (Тарнакин, Соловьёва 2011: 142). Его друзьями и коллегами были многолетний главный

врач Костюженской психиатрической больницы Анатолий Дмитриевич Коцовский, основатель Кишинёвской инфекционной больницы Тома (Фома Феодосьевич) Чорбэ, врач-офтальмолог Юлия Ал. Квятковская и другие. Кстати, даже в биографиях М. Б. Слуцкого и Тома Чорбэ много общего.

Осенью 1917 г. М. Б. Слуцкий стал одним из основателей кишинёвского отделения общероссийской партии «Еврейская народная группа». Эта партия призывала всех евреев, независимо от социального положения, бороться за реальное гражданское равноправие (Копанский 2008: 21). На выборах во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. эта группа вместе с сионистами получила в Кишинёве 8.938 голосов, а все остальные партии, вместе взятые, — 7.690 голосов (из 45.342 избирателей). В Оргееве соотношение между голосами было ещё резче — 1270 и 927, а в Фалештах — даже 1100 и 200 (Левит 2000: 47–51, 250). Это было связано не столько даже с национальным составом городов, сколько с долей евреев в демократических и политически активных слоях общества. Ведь явка избирателей на эти выборы в Бессарабии не превышала одной трети, что видно и по цифрам по Кишинёву.

После 1918 г., когда новые румынские власти отменили ограничения для евреев, существовавшие в царской России, М. Б. Слуцкий стал главой кишинёвской еврейской общины — светской национальной организации. Работу в больнице он продолжал без устали, несмотря на возраст и уже дававшее знать о себе нездоровье. Достаточно прочитать заметку из № 147 кишинёвской газеты «Бессарабия» (выходившей на русском языке, директором был Г. Пынтя) за июль 1920 г. Она стоит того, чтобы привести её целиком, в оригинальном виде. Хотя слог заметки тяжеловесен, но каждое слово говорит за себя:

«Письмо в редакцию

М.[илостивый] г.[осударь], г.[осподин] редактор!

В последних номерах вашей уважаемой газеты, в нескольких статьях, в форме и тоне, не соответствующем достоинству лиц, затрагиваемых ими, трактовался факт ассигнования главному врачу еврейской

больницы М. Б. Слуцкому пособия в размере 15000 лей на поездку его за границу для восстановления расстроенного здоровья. Очевидно, что злонамеренные лица поспешили в редакцию и неверным освещением этого факта введи её в заблуждение.

В интересах истины совет Кишинёвской еврейской больницы считает своим долгом представить дело в настоящем свете, почему и просит редакцию дать место в ближайшем номере “Бессарабии” нижеследующему нашему разъяснению.

На заседании от 20 сего июня, без ходатайства о том доктора Слуцкого, не по его инициативе и в его отсутствие, имея в виду, что он верою и правдою прослужил больнице 43 года, в том числе 31 год в качестве заведующего больницей, что для восстановления расстроенного его здоровья необходима поездка на специальный курорт, что такая поездка при нынешних экономических условиях и низком состоянии нашей валюты сопряжена с громадными расходами, при отпадении главного источника его доходов, частной практики, счёл себя не только вправе, но и юридически и морально обязанным прийти ему навстречу и единогласно и единодушно постановил ассигновать главному врачу Слуцкому пособие в вышеуказанном размере. Но, к нашему искреннему сожалению, доктор Слуцкий, поставленный в известность о состоявшемся решении, от пособия категорически отказался. Но совет больницы, имея в виду, что старшие врачи всех кишинёвских больниц, кроме жалованья, в несколько раз большего, пользуются ещё квартирой, отоплением и освещением, тогда как доктор Слуцкий вынужден тратиться на извозчиков, поглощающих нередко значительную часть его жалованья, что доктор Слуцкий, благодаря его энергии, знанию и любви к делу, довёл больницу до такого блестящего состояния, в котором она находилась до войны, что при создавшихся экономических условиях последнего времени больнице грозило неминуемое закрытие и лишь благодаря доктору Слуцкому она продолжала свою функцию, хотя и в сокращённом виде и ныне явилась надежда на полное восстановление больницы, причём открытие хирургического отделения имеет состояться в ближайшие месяцы, что восстановление здоровья доктора Слуцкого не только в его личных интересах, но в значительной мере и в интересах вверенного нам учреждения, которому, хотим верить, доктор Слуцкий ещё долго будет служить, совет не мог относиться формально к этому вопросу и удовлетвориться отказом доктора Слуцкого.

На частных совещаниях предлагалось увеличить доктору Слуцкому жалованье, выдать ему аванс и проч. Но на заседании 27 июня совет в полном составе, обсудив всесторонне этот вопрос, вновь единогласно постановил — убедительно просить доктора Слуцкого принять назначенное ему пособие как долг больницы, как малую компенсацию за его труды, как доплату к тому ничтожному жалованью, которое он получал всё время. Доктор покуда на это своего согласия не даёт, и вопрос ещё остался открытым. Но Совет верит и надеется, что успеет убедить его и добиться его согласия, так как повторяем, это в интересах больницы.

Считаем необходимым ещё добавить, что г. Блуштейн председателем Совета не состоял и не состоит, в решении данного вопроса особой роли не играл и случайно в заседании 20 июня не присутствовал.

В твёрдом убеждении, что в данном вопросе мы поступили правильно и по долгу совести, остаёмся с совершенным уважением.

Председатель Совета Гр. Богон (? — *нрзб.*).

Члены: Д-р мед. А. Коган, Ш. Шейнберг, Л. Трахтенберг, Дувид Сойбельман, Инженер М. Готлиб, инженер И. И. Блуштейн, Я. [Л.? — *Ред.*] Тумаркин и О. Бабич.

Место печати.

г. Кишинёв, 30 июня 1920 г.»

Что мы видим в этой заметке? Что и в новых условиях Моисей Борисович оставался врачом-бессребренником, не пользовался даже теми льготами, которые имели врачи других больниц. Что здоровье его пошатнулось, и это очень беспокоило коллег и попечителей: на нём держалась чуть ли не вся работа больницы. Искали способов, как бы ему помочь, но Слуцкий отказывался принять помощь. Что и после 1918 г., уже при румынской власти, никуда, увы, не исчезли из Кишинёва люди, готовые раздуть из всего этого антисемитский скандал в прессе. И что редакция «Бессарабии» — директором этой газеты, напомним, был Герман Пынтя, неоднократный мэр Кишинёва, — сохранила в этом вопросе беспристрастность и не отказала в публикации письма больничного совета.

В последние годы Моисей Борисович писал мемуары, но успел издать только две части (собранные в настоящем томе), доведя изложение до 1903 г. Стоит присоединиться к мнению кишинёвских исследователей Владимира Тарнакина и Татьяны Соловьёвой:

> «Даже если Моисей Борисович больше ничего не сделал бы для евреев Бессарабии, это имя осталось бы в истории благодаря его запискам “В скорбные дни” (Воспоминания о Кишинёвском погроме 1903 года), где он с фотографической точностью запечатлел трагедию, о которой узнал весь мир. Конечно, никто лучше Хаима Бялика не передал эмоции о кишинёвских ужасах, чья поэма “Сказание о погроме” (“В городе резни”) сделала одессита одним из самых известных еврейских поэтов XX века. Но каждый исследователь, интересующийся этими событиями, начнёт поиск с воспоминаний главврача еврейской больницы» (Тарнакин, Соловьёва 138).

Доктор Моисей Борисович Слуцкий умер в 1934 г. И, как это в Кишинёве часто бывает, его дело пережило его ненадолго. В прежнем качестве больница существовала до 1941 г. В советское время она специализировалась на травматологии и ортопедии. На её базе был создан Кишинёвский медицинский институт, преподаватели для которого были присланы из Ленинграда уже в конце 1940-х гг. Ещё в 1980-е гг. здесь находилось шесть кафедр этого же института.

А потом рухнул Советский Союз, и Кишинёв затянуло в очередной исторический водоворот. В больницу вернулись проблемы, с которыми боролся ещё Слуцкий, да ещё в худшем виде. Двадцать лет шла борьба с планами «оптимизации». А планы эти были — от полного закрытия больницы до сноса всех её зданий и замены новыми. Трудно ли гадать, чем бы всё это обернулось? Часть отделений пришлось закрыть — в основном по финансовым причинам. Как это было знакомо доктору Слуцкому! Сейчас в корпусах 100 коек — при Слуцком было 120. В наше время основная специализация больницы — гериатрия, то есть лечение старческих болезней.

Остаётся добавить, что дом доктора Слуцкого сохранился хотя бы частично — по улице Измаильской, 23а. А вот память об этом выдающемся человеке в Кишинёве никак не увековечена.

* * *

Каким же предстаёт доктор Слуцкий на страницах этих воспоминаний? Сам он пишет в предисловии, что считает себя «рядовым интеллигентом», что в то время значило немало. В юности он, как и многие его коллеги — студенты-медики 1860-х гг., — был

материалистом. Теперь же, к старости, его «религиозное мировоззрение» (глава 28) сводится лишь к признанию того, что Бог есть, и к теории «двух истин», сформулированной ещё св. Фомой Аквинским: наука и религия заняты разными сферами бытия, поэтому они не могут ни подтверждать, ни опровергать друг друга. Но о большем в этой сфере М. Б. Слуцкий не рассуждает: иудейский ли это Бог, христианский или буддийский. Это скорее пантеизм в духе Б. Спинозы или деизм французских просветителей, чем серьёзная религиозность.

Тем более доктор Слуцкий — не революционер. С неприязнью он отзывается и о нигилистах времён своей студенческой юности, и о Бунде — еврейской социалистической партии, пытавшейся использовать Кишинёвский погром для пропаганды своих идей. С глубокой симпатией он пишет о либеральном царе Александре II, с ужасом — о его убийстве, хотя и отдаёт должное духу членов «Народной воли». Он явно был неприятно поражён тем, что его добрый знакомый князь С. Д. Урусов подписал Выборгское воззвание («В скорбные дни», глава 13). Его воспоминания были написаны в годы, когда Кишинёв находился под властью Румынии, а первая часть («За три четверти века») — когда на троне сидел либеральный король Фердинанд. И о Румынии М. Б. Слуцкий говорит доброжелательно, подчёркивая, например, её вклад в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., которая для самой Румынии стала «войной за независимость». Его явно более всего устраивала та либеральная система, которая начала складываться (но так и не сложилась до конца) в России при Александре II, а в Румынии — при Фердинанде I. При этом, однако, политика для него оставалась всего лишь внешней обстановкой для единственного настоящего дела — его больницы.

В целом, можно определить политическую позицию М. Б. Слуцкого в духе принципа великого еврейского философа XIII в. Маймонида (Рамбама): «дина лемалхута дина» — «закон земли есть наш закон». Этот принцип означал: пока у евреев нет своего государства, они должны считать своим то государство, в котором живут. И они должны быть лояльными подданными этого государства и соблюдать все его законы — до тех пор, пока это не требует отказа от своей веры. Правда, в революционные эпохи этот принцип перестаёт

работать: в такие времена сам «закон земли» слишком быстро и резко меняется. Как могли, приспосабливались еврейские интеллигенты Бессарабии к законам царской России. Но что делать, если эти законы даже самих русских уже в основном не удовлетворяли? Иначе откуда революция? И если правительство само переходило к поощрению национализма, нарушая тем самым границу, до которой евреи должны были подчиняться «закону земли»?

При этом сам М. Б. Слуцкий не был и националистом. Евреи для него — это в основном своя привычная среда. Свои «простые люди», что в данном случае вовсе не означает ни пролетариев, ни «нищих духом». Это значит лишь: я могу их понять, и они меня могут понять, не пытаясь читать между строк, не подозревая, что одни и те же слова для говорящего и для слушающего означают не одно и то же. Но нигде у Слуцкого не найти даже намёков, чтобы какую-либо национальность он считал лучше или хуже всех прочих. Его больница принимала людей без разбора национальностей, хотя врачам порой приходилось трудиться на добровольных началах. И когда он вспоминает своих друзей, то тоже не делит их по национальностям.

Увы, делить их начала сама реальность XX в., когда национализм стал самой массовой идеологией. И не только в России или Румынии — нет, везде, от Франции до Турции, от Латинской Америки до Китая. Версальская система, созданная после Первой мировой войны, стала его триумфом: в её основе лежала мысль, что национальные интересы — превыше всех прочих, и лишь посредником между этими интересами могут служить международные органы, вроде Лиги наций. Этой системы хватило меньше чем на двадцать лет, и её крах в новой мировой войне стал сокрушительным ударом по национализму в Западной Европе.

В таких условиях среди евреев возникло своё течение в том же духе — сионизм. Профессор Ю. Л. Слёзкин оценивает его афористично:

> «Сионизм, наиболее эксцентричная разновидность национализма, исходил из того, что лучший способ преодоления еврейской уязвимости состоит не в том, чтобы все стали как евреи, а в том, чтобы евреи стали как все» (Слёзкин 2005: 10).

Но евреев в сионизм выдавливали обстоятельства — невозможность жить прежней жизнью на континенте, охваченном войнами и революциями. Игнатьевские «Временные правила», погромы в царской России и в Польше 1940-х гг., националистические режимы в межвоенной Центральной Европе, нацизм и Холокост — вот те события, которые вызывали всё новые и новые волны исхода европейских евреев в Палестину. Для немногих идеалистов это был путь к мечте, для большинства же — бегство. Сам Теодор Герцль, основатель сионизма, начинал с ассимиляторских проектов. Лишь шок от дела Дрейфуса, когда призывы «Смерть евреям!» раздавались даже в Париже, привёл его к мысли: пока у евреев не будет своего угла, где они были бы полными хозяевами, их жизнь всегда под угрозой. И речь шла именно о «своём угле», не обязательно в Палестине. Как известно, Герцль готов был согласиться на создание такого национального очага в Кении («угандийский проект», предложенный Англией): ему это показалось более достижимым, чем борьба за Палестину. Больше того, отказ Всемирной сионистской организации от «угандийского проекта» привёл Герцля к нервному срыву, кончившемуся смертью.

В Бессарабии сионистское движение начало развиваться с 1890-х гг., получая импульс от каждой новой волны погромов. Отношение к нему М. Б. Слуцкого было непростым, хотя и не без явной симпатии. Так, в 1923 г. он выступил с приветственной речью на открытии «Сионистского дома» в Кишинёве, на углу улиц Киевской и Михайловской — ныне 31 Августа, и Михаил Эминеску (Копанский 2008: 73–74), позже стал одним из основателей Еврейского эмиграционного банка (Копанский 2008: 83–84). В 1930 г. он приветствовал в Кишинёве Владимира Жаботинского — когда-то многообещающего русского журналиста, которого как раз впечатления от Кишинёвского погрома превратили в сионистского деятеля крайне радикального толка. Причём Слуцкий подчеркнул, что приветствует его «как человек беспартийный, но всей душой сочувствующий идее возрождения еврейской Палестины» (Копанский 2011: 41). И всё же сам он до конца жизни не покинул Кишинёв и своё детище — Еврейскую больницу. Здесь, в Кишинёве, было дело всей его жизни, которое он не мог бросить. Свои мемуары он написал по-русски.

Наконец, нелишне обратить внимание на те разделы, где М. Б. Слуцкий говорит о науке своего времени. Здесь он выступает не столько как мемуарист, сколько как просветитель и популяризатор науки, при каждом случае доносящий до читателя новости с её переднего края. Поэтому не будем отмечать, что некоторые взгляды тут явно устарели, что кишинёвский врач того времени не мог достаточно глубоко разбираться в ядерной физике. Не устарел пафос просветительства. И с уважением стоит отнестись к надеждам автора на то, что прогресс науки сможет разрешить социальные проблемы. Этот раздел завершается на торжественной ноте: «Сбудутся смелые предсказания химиков (Бертело) и радиологов (Содди) и настанет золотой век: исчезнет вражда, борьба за существование, соперничество не только между индивидуумами, но и между народами; настанет рай земной. Это — моё научное кредо».

Так определение, которое доктор Слуцкий дал сам себе, — «рядовой интеллигент», — начинает играть новыми красками. И очень характерно, что это — российский интеллигент пореформенной эпохи, земский врач, для которого наука — не просто сфера чистого познания, но средство для практической помощи человечеству. Суждены ему были благие порывы, но и свершить многое было дано — в меру сил, которую сам он не был склонен преувеличивать. Человек, для которого знание и гуманизм были неразделимы, для которого не было жизни вне служения и своему (ставшему своим) городу, и народу, а через них — и всему человечеству. Который разделял «теорию малых дел» в том виде, как её понимали лучшие его коллеги любой национальности. Сочинить очередную утопию или в тысячный раз бросить радикальный лозунг в толпу (а то и бомбу в высокого чиновника) — это не настоящее дело, каким бы оно ни было шумным. А вот вылечить больного ребёнка, защитить в суде невинно обиженного, разъяснить попавшему в тупик человеку его права и возможности — гораздо важнее, гораздо нужнее и понятнее народу. И эту-то линию Моисей Борисович сумел проводить при любой власти, и стойкость при этом от него потребовалась громадная. Его мемуары — прямая иллюстрация к словам Жюля Ренара: «Гораздо труднее быть порядочным человеком в течение недели, чем героем в течение пятнадцати минут».

* * *

Читая воспоминания М. Б. Слуцкого о погроме 1903 г., невозможно не вспомнить другие мемуары о том же времени — «Записки губернатора» князя Сергея Дмитриевича Урусова. Этот человек был назначен губернатором Бессарабии сразу же после погрома. Назначен самим Плеве, со специальным заданием — разрядить обстановку, внести успокоение. Моисей Борисович знал князя Урусова всесторонне — не только как честного и порядочного администратора, с которым нужно было иметь дело по долгу службы и по общественным делам, но и как своего пациента. На «Записки губернатора», впервые вышедшие в 1906 г., он часто ссылается, а иногда и полемизирует с ними. И эти поправки, сделанные очевидцем, достаточно важны.

Так, уже на третий день своего пребывания в Кишинёве князь принял еврейскую депутацию. Сам он вспоминает об этом так: «Какова же была запуганность евреев и как мало нужно было им гарантий от администрации, если они удалились, вполне довольные и почти успокоенные после моих, в сущности, не лестных для них слов» (Урусов 2004: 38). М. Б. Слуцкий, входивший в состав этой депутации, сообщает иное:

> «Речь князя произвела на нас неблагоприятное, чтобы не сказать тяжёлое впечатление, и это настроение было настолько общим у всех участников депутации, что, когда мы спускались по ступенькам, выходя из губернаторского дома, все, как будто сговорившись, произнесли одни и те же слова: “его уже успели обработать”».

Положение Урусова было не из лёгких. Его предшественник фон Раабен, управлявший Бессарабией четыре года, жаловался: «Только что я начал знакомиться с губернией [! — *Ред.*], как мне приходится уезжать из неё» (Урусов 2004: 33). У нового губернатора не было столько времени на раскачку. К тому же обстановка после погрома была тревожной. Город раскололся на две почти равные по численности части, насторожённые по отношению друг к другу. Даже полиция не знала, чьим указаниям подчиняться, если губернатор потребует не допустить погрома, а кто-то другой — наоборот. В. В. Шульгин в книге «Дни», рассказывая о событиях в Киеве на другой день после Манифеста 17 октября 1905 г., описывает, как

этот вопрос решил для себя некий поручик: «А всё-таки, если они придут и будут безобразить, — я не позволю. Что такое конституция, я не знаю, а вот гарнизонный устав знаю... Пусть приходят...» Примерно к таким же чувствам должен был воззвать и князь Урусов, когда дал кишинёвской полиции лозунг: «Мы охраняем не евреев, а порядок» (Урусов 2004: 89).

Однако, к чести Сергея Дмитриевича, он сумел не поддаться «обработке». Хотя с Бессарабией он знакомился в дороге по сочинению П. А. Крушевана, хотя ещё на границе губернии его встретил один из главных местных антисемитов-практиков — вице-губернатор Устругов, князь не стал составлять себе мнения до тех пор, пока не разберётся на месте. А разобравшись — занял разумную и справедливую позицию, снискавшую ему всеобщее уважение в крае.

Расходятся оба мемуариста в оценке роли директора департамента полиции А. А. Лопухина. Урусов не верил, чтобы муж его сестры был способен на антисемитские меры. Слуцкий же передаёт впечатление от явно формального «дознания», проведённого Лопухиным в Кишинёве по свежим следам. Однако следует напомнить, что «Записки губернатора» вышли в свет только в 1906 г., когда князь Урусов ещё многого не знал. Даже о погромных листовках, печатавшихся в 1905 г. (во время революции) в жандармском управлении, он услышал от того же Лопухина уже после выхода «Записок».

Стоит прислушаться к мнению американского историка Э. Джаджа, изучившего весь комплекс источников о Кишинёвском погроме и делающего из них обдуманные и осторожные выводы. Как он считает,

> «директор полиции был противником антисемитизма: в министерстве он выступал за прекращение антиеврейских ограничений, а позднее помог разоблачить стремление полиции инспирировать антиеврейскую деятельность. В том, что касается кишиневских событий, он без колебаний обвинял правительство: своей антиеврейской политикой, утверждал он, оно вызвало погром, хотя не стремилось к этому осознанно» (Джадж 1998: 141).

Однако в ходе дела он больше заботился о другом: не допустить, чтобы обвинение затронуло власти и чтобы их престиж был подорван. Так, во время суда Н. П. Карабчевский «позволил себе выразиться следующим образом: когда царь Ирод приказал избивать младенцев, то избивали его солдаты, но виноваты, конечно, не солдаты, а Ирод». Эти слова настолько встревожили А. А. Лопухина, что 30 декабря 1903 г. он специально запросил прокурора А. И. Поллана: «была ли, в действительности, приведённая фраза сказана Присяжным Поверенным Карабчевским» (Материалы... 1919: 330). При этом Лопухин прибыл в потрясённый погромом город через пять дней после событий, когда страсти ещё кипели, и его маска «олимпийского спокойствия» в такой момент была совершенно неуместна, что бы за ней ни скрывалось на самом деле.

Сказанное об А. А. Лопухине относится и к оценке обоими мемуаристами роли министра внутренних дел В. К. Плеве. М. Б. Слуцкий без обиняков считает его одним из главных виновников и организаторов погрома. Даже такой осведомлённый деятель, отнюдь притом не революционер, как граф С. Ю. Витте, с уверенностью утверждал в своих воспоминаниях, что погромы — это «провокация, созданная ещё Плеве и затем, во время Трепова, более полно и, можно сказать, нахально организованная» (Витте 1922: 63). Правда, все историки сходятся на том, что граф Витте писал свои мемуары не для науки, а для оправдания собственных действий (а оправдывать было что), поэтому к его заявлениям следует относиться осторожно. Губернатор же полагал, «что Плеве был слишком умён и опытен, чтобы прибегать к такого рода мерам борьбы с евреями, при всей ненависти своей к ним» (Урусов 2004: 31).

Действительно, прямое распоряжение министра устроить погром так и не было найдено. Да и вообще, не такой человек был Плеве, чтобы поставить под угрозу «порядок и спокойствие» ради авантюры с неясным исходом. Самое большее — он мог считать погром полезным для своей политики. Генерал А. Н. Куропаткин в своём дневнике за 11 апреля 1903 г. записал:

> «Перед отъездом сидел у меня час времени В. К. Плеве. Говорили о беспорядках в Кишинёве и Кронштадте. Как и от государя, я услышал

от Плеве, что евреев следовало проучить, что они зазнались и в революционном движении идут впереди» (Куропаткин 1923: 50).

Но это говорит лишь о том, что Плеве был втайне рад кишинёвской трагедии и не скрыл этого чувства в разговоре с глазу на глаз с доверенным человеком, но не о роли организатора или подстрекателя событий. Тем более что Куропаткин тут же ставит его на одну доску с царём, который явно не стал бы лично заниматься делами на дальней окраине.

Что же касается роли губернатора фон Раабена, то тут оба мемуариста практически согласны. Ни в подготовке погрома, ни в его разжигании фон Раабен участия не принимал, но к его пресечению оказался не готов. Его вина заключалась в преступном бездействии: он даже не знал закона, на основании которого обязан был действовать. Генерал, служивший в основном в штабах, фон Раабен смотрел на своё губернаторство как на синекуру, служащую больше для «соединения здешнего общества» (Салтыков-Щедрин, «Праздный разговор»), чем для каких-либо практических дел. В чём состоят его права и обязанности как губернатора, он не знал и не пытался узнать. Чего стоят его слова уже после отставки: «да покажите мне, наконец, эти правила о призыве войск для содействия гражданской власти, о которых мне протрубили уши» (Урусов 2004: 33). И М. Б. Слуцкий, и С. Д. Урусов согласны, что этот человек, лично честный и порядочный, не годился на роль организатора погрома, но и помешать не мог. Во время событий он сначала был сторонним наблюдателем, потом попросту растерялся, а затем, когда масштаб трагедии прояснился, был превращён в козла отпущения.

В целом, позиция двух либеральных российских интеллигентов — губернатора и главврача Еврейской больницы — оказалась достаточно близка. Конечно, они видели события с разных позиций, поэтому их воспоминания дополняют друг друга. Когда князь Сергей Дмитриевич уезжал из Кишинёва на новое место службы, его провожала вся еврейская общественность города. Переписка между кн. Урусовым и М. Б. Слуцким продолжалась до ноября 1905 г. И по воспоминаниям Моисея Борисовича заметно, как волновала его дальнейшая судьба князя.

* * *

Всё это заставляет нас затронуть больную тему — о виновности правительства и отдельных представителей власти. Подлинные документы, доказывающие их виновность, так никогда и не были найдены. Вообще убеждение, что за каждой трагедией непременно следует искать чью-то личную и целенаправленную злую волю, — средневековый шаблон, на котором основаны и крушевановские «Протоколы». Тем не менее моральная вина царского режима несомненна.

> «Хотели погрома в правительстве или нет, но правительство содействовало созданию благоприятной обстановки для него путём насаждения примитивного русского шовинизма и официального антисемитизма, оказания помощи и поддержки местным фанатикам и подстрекателям. Антиеврейское законодательство, государственная репрессивная политика и фаворитизм в отношении антисемитов — всё это содействовало созданию общего впечатления, что антиеврейская деятельность не только разрешалась, но и поощрялась. Нетрудно увидеть, что в этой обстановке амбициозные местные чиновники пытались сделать карьеру с помощью репрессий в отношении евреев, а местные крестьяне и городская беднота уверовали, что антиеврейские насилия отвечают воле царя» (Джадж 1998: 146–147).

Уже одно то, что в отношении евреев всё время применялось особое законодательство, создавало впечатление, что евреи — не в том положении, что все остальные граждане, что они не могут считаться вполне «нашими». И всё это накладывалось на массовое сознание, с его средневековыми предрассудками и психологией единственного царства истинной веры. К тому же это происходило на фоне начавшихся болезненных процессов модернизации, когда массы людей чувствуют себя выбитыми из колеи, когда они ищут виновных (Джадж 1998: 24, 28, 150).

Могли ли российские власти обойтись без антисемитизма? Да, могли. Старая Австрия по своему политическому устройству была династическим государством, таким же анахроничным по политическому устройству, как и царская Россия. Но в Австрии ограничения для евреев были отменены ещё в 1781 г., а антисемитизм отдельных

групп (например, немецких националистов) власти не поощряли: он угрожал устойчивости самой монархии. Поэтому в Австрии погромов не было. Евреи пользовались полным гражданским равноправием и до конца остались лояльны Габсбургам. Не менее показателен пример Португалии, где в середине XVIII в. маркиз де Помбал отменил неравноправие «новых христиан» (евреев, насильно обращённых в католицизм) и уничтожил списки, на основании которых инквизиция выискивала этих людей, чтобы шантажировать.

> «Одним из последствий реформ Помбала было окончательное решение иудейской проблемы в Португалии. Уравнение в правах “новых христиан” и прекращение их преследования позволило им полностью ассимилироваться с остальной частью населения, к чему они, собственно говоря, и стремились на протяжении нескольких столетий и чему искусственно препятствовал террор инквизиции. Процесс ассимиляции произошёл столь быстро, что несколько десятилетий спустя после реформ Помбала в Португалии исчезли всякие следы “новых христиан”» (Григулевич 1985: 344).

А вместе с ними исчезла и проблема, созданная искусственно и причинившая стране огромный ущерб.

Почему же, однако, российское правительство столь упорно проводило такую самоубийственную политику? Вот тут мы подходим к его главной, хотя и непреднамеренной, вине, и прежде всего перед собственным народом, — *преступной несовременности*. Машина имперской администрации была создана для решения задач времён ручного производства и крепостного права. В эпоху промышленности и машинной техники она всё ещё пыталась заниматься средневековыми проблемами: истинная вера, права сословий... Расследование крушения царского поезда в Борках (17 октября 1888 г.) выявило, что чиновники свиты думали о чём угодно: кто вправе ехать вместе с царём, кто может указывать машинистам и стрелочникам, — только не о технике безопасности. Нарушить законы Ньютона оказалось опаснее, чем законы Российской империи, и то, что у Ньютона даже и чина-то не было, в данном контексте неважно — что за крамольная мысль! Такая же картина вырисовывается в романе А. С. Новикова-Прибоя «Цусима». Много раз автор, сам побывавший в Цусимском

бою, повторяет: высшие офицеры эскадры могли бы стать красой парусного флота, но среди машинной техники они были явно не на своём месте. Даже адмиралу Рожественскому, обрисованному самыми чёрными красками, Новиков-Прибой не отказывает в известных достоинствах: сам не воровал и другим не позволял, сумел провести эскадру через три океана, не потеряв ни одного корабля, от личной ответственности не уклонялся. Для суворовских времён этих качеств было бы предостаточно. Но времена изменились и принесли с собой новый дух. Оказалось, что матрос теперь должен быть грамотным, что грамотного матроса нельзя пороть, что читать он должен не только акафисты... Управлять таким флотом офицеры старой школы оказались не готовы.

Такая же неспособность следовать духу времени сквозит и в действиях властей в связи с Кишинёвским погромом. Царские администраторы в массе своей не были ни тупицами, ни злобными заговорщиками. Но их возможности были крайне ограниченными — не в последнюю очередь из-за экономической отсталости страны: государственные финансы были слабы, а это вынуждало ограничиваться самым дешёвым образцом государственного аппарата (Пайпс 1994: 77–79). Отсюда — жёсткое единоначалие, ответственность чиновников только перед вышестоящими, что вело к принципам: «инициатива наказуема» и «запрещено всё, что не разрешено». Такой аппарат оказывался бессилен при решении сложных задач, особенно связанных с техникой или финансами. Отсюда пассивность и страусиная политика с бесконечной оглядкой «наверх». Вообще российские чиновники очень напоминали своих австрийских коллег. Но и там министр-президент граф Э. фон Тааффе определил работу своего правительства как *Fortwursteln* (халтура), а социалист Виктор Адлер выразился об австрийской политической системе и того резче: *ein Absolutismus gemildert durch Schlamperei* — абсолютизм, ограниченный расхлябанностью (Яси 2011: 27, 208). К России это относится ещё больше: австрийские бюрократы всё же славились высокой квалификацией, а российские половину времени в гимназиях изучали латынь. Царская администрация уже не была способна эффективно управлять страной, и в то же время не желала уступить власть добровольно, пока это можно было сделать мирным путём, контролируя,

кто придёт на смену. Такая ситуация не оставляла иного выхода, кроме насильственной революции с непредсказуемым исходом.

Сам же механизм принятия властных решений был укрыт покровом «канцелярской тайны» и толкал обывателей к тому ходу мысли, который сегодня называют конспирологией: судить приходится по косвенным и непроверенным данным, ибо подлинная информация никогда не будет доступна.

По всем этим причинам в пасхальный понедельник кишинёвские власти не знали, как поступать. За сутки губернатор дважды направлял телеграммы Плеве, а прокурор Горемыкин — своему министру. До 3.30 Раабен и Бекман не могли решить, кто из них что именно вправе делать. А их подчинённые, в свою очередь, не получали указаний и не смели действовать на собственный страх и риск. Тем более что полицейских в городе было всего двести (на бóльший штат не хватало казённых средств), а солдаты, получая противоречивые приказы, предпочитали ждать, пока начальство само разберётся, чего оно хочет. Такое поведение подбадривало погромщиков: раз власти не вмешиваются — значит, громить дозволено! Стороннему же наблюдателю это могло казаться только попустительством: результат был тот же.

Когда же начал разгораться скандал в российской прессе, а затем и за рубежом, — оказалось, что российское правительство вообще не умеет объясняться с общественным мнением, на которое нельзя прикрикнуть. Достаточно сказать, что его официальное заявление (в форме циркуляра) появилось лишь через две недели после погрома (Джадж 1998: 81). Такой же замедленной была и его реакция на публикацию в лондонской «Таймс» письма министра Плеве губернатору Раабену, в котором тот якобы требовал «не прибегать к помощи оружия» и ограничиваться «увещаниями». За это время общественное мнение уже успевало сформироваться. Российские власти, вероятно, забыли, что говорят не с безгласной толпой, обязанной видеть правду и мудрость во всём, что им сказано сверху. Такие запоздалые оправдания не просто не вызывали доверия: они создавали впечатление, что «правительство вело себя как преступный заговорщик, пытающийся скрыть свою вину» (Джадж 1998: 145).

Самой тёмной фигурой в этих событиях был, несомненно, барон Л. Н. Левендаль, начальник только что созданного кишинёвского охранного отделения. Современники знали о нём так мало, что никто даже не называет его инициалов. То, что губернатор, уже собравшийся было выехать для усмирения погромщиков, после беседы с Левендалем (содержание которой так и осталось неизвестным) отказался от своего намерения, сразу же вызвало всеобщую уверенность, что барон действовал по приказу Плеве. Между тем, как указывает Э. Джадж (1998: 139), в качестве начальника охранки Левендаль подчинялся не Плеве, а Лопухину, а непосредственно — главе Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатову. Как раз в это время Зубатов пытался создать правительству опору в массах — в виде подконтрольного властям рабочего движения («зубатовщины»), привлекая к нему даже переубеждённых им бундовцев. Последние создали даже особую «Еврейскую независимую рабочую партию», конфликт из-за которой с Плеве положил конец карьере Зубатова. Вполне вероятно, что и Левендаль в Кишинёве должен был действовать в том же духе, что и его прямой начальник в столице. Однако как жандарм он привык действовать тайно, а его встречи с тёмными личностями, среди которых был и Пронин, вызывали подозрения в городе. Поведение Левендаля во время самого погрома было воспринято лишь как подтверждение этих подозрений. Больше того, накануне погрома барон докладывал в Петербург об обостряющейся ситуации и позже даже жаловался, что его предупреждения не были услышаны.

Итак, остаётся согласиться с выводом Э. Джаджа. Версия о стихийном характере погрома не выдерживает критики, но и версия о «руке Петербурга», непосредственно руководившей погромщиками, не опирается на серьёзные доказательства. Наиболее вероятен «третий вариант», хотя и он не снимает вины с правительства. Министерство во главе с В. К. Плеве вряд ли стремилось к погрому — крайнему и неконтролируемому нарушению порядка. Но оно «знало о деятельности Крушевана и Пронина и одобряло её общее направление» (Джадж 1998: 145). Его тревожило положение в Бессарабии — пограничном крае с нерусским населением, где к тому же росло революционное движение. Только в сентябре 1901 г.

несколько сот демонстрантов с революционными песнями прошли по главной улице в городской сад (куда допускалась только публика из высшего общества) и прямо возле дома губернатора устроили митинг с призывами к свержению царизма (Черепнин 1965: 528). Характерно, что и в этом случае полиция, увидевшая среди демонстрантов прилично одетых «панычей», долго не решалась что-либо предпринять*. Через Бессарабию в Россию перебрасывалась нелегальная литература, а в 1902 г. кишинёвская полиция раскрыла подпольную типографию газеты «Искра», редактировавшейся самим Лениным. Губернию сотрясали стачки рабочих, волнения крестьян. Рядом находилась Румыния, в те годы далеко не дружественная страна.

В таких условиях власти искали себе опору в лице консерваторов и националистов-державников. Крушеван и Пронин как нельзя лучше подходили на эту роль. А их апелляция к «трудовым массам» хорошо вписывалась и в зубатовскую рабочую политику. Правда, оба они были людьми не вполне адекватными. Крушеван в рассказе «Охота на волков» сам признавался в своих ночных кошмарах (Ижболдина 2007: 164). А у Пронина была стойкая репутация не только третьесортного демагога, но и прямого мошенника. Так, уже в Кишинёве он взял подряд на мощение улиц, причём вместо обещанной первосортной брусчатки выписал третьесортный булыжник и прикарманил разницу. Но с этими «шалостями» власти предпочли мириться, а что касается антисемитской риторики — видимо, полагали, что она так громкими словами и останется. Во всяком случае, когда началось «дубоссарское дело» (очередной кровавый навет, о котором сам М. Б. Слуцкий пишет в первой главе воспоминаний «В скорбные дни»), и стало ясно, что обстановка накаляется, были приняты вялые меры: Крушевана заставили напечатать опровержение, решили увеличить число патрулей (Джадж 1998: 146).

Но к этому времени и Крушеван, и Пронин почувствовали сильную поддержку и решили, что их час настал. Крушевана больше волновала тема «экономического засилья» евреев. Ведь на его глазах

* Любезное сообщение доктора истории В. Н. Поливцева.

разорялись не только помещики, но и патриархальное крестьянство, а на смену им шла буржуазия — городская и сельская. Это пугало и Салтыкова-Щедрина, у которого «Убежище Монрепо» кончается воплем: «идёт чумазый!». Но в многонациональной Бессарабии, где этнические группы были в то же время и социальными статусами, «чумазый» персонифицировался: «идёт новое племя!» Племя, которому не дороги ценности патриархального мира, которое разрушит старые сословные рамки, старый образ жизни. Тот же ход мысли мы позже увидим у О. Шпенглера, для которого поместное дворянство — лишь «высшая форма» крестьянства, и оба они противостоят «кочевникам мировых столиц» (Шпенглер 1993: 165). А ещё позже — в нацистской и околонацистской литературе (см.: Мосионжник 2012).

Пронин так далеко замахнуться не умел. Ему достаточно было свести счёты с конкурентами, мешавшими его коммерческим планам (Урусов 2004: 77). Но роль обеих этих фигур в подготовке погрома ясна. Что же до имперской администрации — и столичной, и кишинёвской, — к тому времени она была уже слишком дряблой, чтобы надолго удержать ситуацию под контролем. Власти растормозили и выпустили на волю силу, которой оказались не способны управлять (и слишком поздно это заметили). И хвост стал вертеть собакой. А потом 1905 г. показал, что другой опоры у самодержавия и вовсе не осталось. Приходилось мириться либо с парламентом, ограничивающим власть монарха, либо с Крушеванами.

Итак, власти вряд ли желали погрома, но создали те условия, в которых он стал возможен. Крушеван, Пронин и некоторые близкие к ним лица — желали и организовали. Все наблюдатели заметили, что с самого начала погромщики расходились с Чуфлинской площади уже организованными группами, действовавшими единообразно. Все видели, что христианское население рисовало на дверях кресты или выставляло в окнах иконы — стало быть, заранее было предупреждено, как избежать насилий. И всё же и Крушеван с Прониным, при всей их сознательной виновности, не стояли за каждым брошенным камнем. Они создали и организовали агрессивную толпу, а у этой толпы есть собственные законы поведения (см.: Назаретян 2003). Каковы бы ни были планы

Крушевана и его присных, вряд ли они заранее желали такого размаха, чтобы в 100-тысячном городе был повреждён или разрушен почти каждый третий дом. Но чем больше толпа чувствовала вседозволенность, допустимость не только насилия, но и грабежа, — тем больше она выходила из-под контроля. Это не оправдывает виновников погрома, но позволяет понять механику развития событий.

Конечно, мы не ставим себе задачей провести исчерпывающий анализ причин Кишинёвского погрома. На этот счёт есть уже обширная литература. Следует отметить, что многого из сказанного М. Б. Слуцкий в своё время знать не мог. И когда он называет Плеве и Лопухина «главными организаторами погрома» («В скорбные дни», глава 9), — конечно, это общее мнение либеральной интеллигенции того времени, а вовсе не твёрдо установленный факт. Но не забудем: Слуцкий был человеком, лично спасавшим десятки жертв погромщиков — и в 1903 г., и два года спустя, и позже. Кто осмелится требовать от него отрешённой и беспристрастной позиции? Главное достоинство его книги — в фактах, которые он передаёт как очевидец.

* * *

Тексты воспоминаний приводятся по первым изданиям:

Слуцкий М. Б. За три четверти века. Мои воспоминания из детства, юности и полувековой врачебной и общественной деятельности. Часть первая (годы 1851–1900). Кишинёв: Тип. Акц. О-ва «Unser Zeit», 1927. 122 с.

Слуцкий М. Б. *В скорбные дни. Кишинёвский погром 1903 года.* Кишинёв: Типография М. Авербуха, 1930. 119 + IV с.

В первой из этих книг имеется разночтение: слова «За три четверти века» на обложке даны самым крупным шрифтом, как основной заголовок, на титульном же листе — отсутствуют вовсе. На обороте титульного листа — только одна строчка: «Cenzurat la Cenzura Chișinău» — «Дозволено кишинёвской цензурой». Подцензурный характер обоих изданий следует учитывать при оценке некоторых высказываний автора.

В оригинале использовалась (как и во всей бессарабской печати на русском языке до 1940 г.) дореформенная орфография. В данном

издании она приведена к современной. В обоих изданиях много опечаток, особенно в расстановке запятых. В тогдашнем Кишинёве, уже десять лет как не находившемся под властью России, издательства явно испытывали трудности с корректурой на русском языке. В ряде случаев — например, там, где фамилия Склодовской-Кюри передана как «Скадовская», — нет возможности установить, кто допустил ошибку: автор, корректор или наборщик. В данном издании мы исправили только явные опечатки, не создающие двусмысленности.

Все постраничные сноски, помеченные звёздочками, принадлежат автору и воспроизводятся по тексту оригинала. Комментарии от редакции помечены арабскими цифрами и даются после основного текста.

У М. Б. Слуцкого еврейские имена даны в той форме, какую они имели в бессарабском диалекте языка идиш: Ду́вид вместо Давид, Сура вместо Сара и т.д. В данном издании они оставлены без изменений.

Л. А. Мосионжник,
доктор истории,
доцент университета
«Высшая антропологическая школа»
(Кишинёв)

ДОКТОР М. Б. СЛУЦКИЙ

ЗА ТРИ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
из детства, юности и полувековой врачебной и общественной деятельности

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
(ГОДЫ 1851–1900)

КИШИНЕВ
Типография Акц. О-ва "Unser Zeit"
1927

Наши книги по издательской цене можно приобрести в офисах издательства:

Санкт-Петербург
Петрозаводская ул., д. 7, оф. 8
(150 м от ст. метро «Чкаловская»)
Телефон +7(960)243-32-82
E-mail: pr@nestorbook.ru

Москва
Раушская набережная, д. 4/5, строение 1,
кабинет 218 (ст. м. «Новокузнецкая»)
Телефон +7(499)755-96-25
E-mail: nestor_history_moscow@bk.ru

Купить бумажный или электронный вариант наших книг можно на сайте издательства https://nestorbook.ru

На нашем сайте Вы можете оплатить книги и получить их в наших пунктах самовывоза в Москве и Санкт-Петербурге (по будням, с 10 до 18)

В другие города мы доставляем книги Почтой России по предоплате и наложенным платежом.

Электронные книги (в формате pdf) можно оплатить на сайте и скачать из личного кабинета или получить на электронную почту.

По всем вопросам, связанным с заказами через сайт, обращайтесь по телефону
+7(965)048-04-28
или пишите на e-mail: booknestor@gmail.com

Мы сотрудничаем с ведущими книжными магазинами Москвы и Санкт-Петербурга

Как можно приобрести книги издательства «Нестор-История» в книжных магазинах:

1. Заказать на сайте магазина с доставкой на дом;
2. Заказать на сайте магазина и забрать из пункта самовывоза;
3. По заказу в магазине. Не хотите ждать доставку? Отложите книгу в любом удобном для вас магазине: рядом с домом, работой или учебой. Ваш резерв будет ждать Вас!

Не нашли книгу в любимом магазине? Оставьте заявку и мы поставим туда книги!

Заказать и приобрести книги издательства «Нестор-История» вы можете на сайтах книжных магазинов:

1. «Читай-город» https://www.chitai-gorod.ru/delivery/
2. «Библио-глобус» http://www.bgshop.ru/information/page/dostavka
3. «Буквоед» https://www.bookvoed.ru
4. Московский Дом книги http://www.mdk-arbat.ru
5. «Лабиринт» https://www.labirint.ru
6. «Озон» https://www.ozon.ru/context/div_book/
7. Подписные издания на Литейном https://www.podpisnie.ru
8. Книжная лавка писателя https://lavkapisateley.spb.ru
9. «Москва» https://www.moscowbooks.ru
10. Дом книги в СПб http://www.spbdk.ru
11. «Русское зарубежье» http://www.kmrz.ru
12. Книжная лавка историка http://www.rosspen.su
13. «У Кентавра» (РГГУ) http://knigirggu.ru
14. Циолковский http://primuzee.ru

Научное издание

Моисей Борисович Слуцкий

В СКОРБНЫЕ ДНИ
Кишинёвский погром 1903 года

2-е издание, стереотипное

Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 15.03.2019.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 20,5
Тираж 500 экз. Заказ № 1667

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86